

Северус Снейп вернулся в свои подземелья смертельно уставшим. Там стояла крошечная тьма; без тлеющего в камине огня здесь было неприветливо, сыро и сквозило могильным холодом.

Нога по-прежнему ныла — давало о себе знать проклятие чёрной магии. У него так и не нашлось времени, чтобы как следует заняться раной. Противоядия лишь ненадолго облегчали состояние, и зельевару раз за разом приходилось терпеть изнуряющую боль: едва затянувшись, плоть снова расходилась.

Сегодня было не его дежурство, и Снейп планировал наведаться в Запретный лес, чтобы набрать коко-травы для лечения ноги. Но разве эти гриффиндорские кретины могут усидеть на месте хотя бы вечер? То они суют нос в Запретную секцию, то околачиваются возле Хагрида с его драконьим яйцом... Любой человек, наделённый хоть каплей рассудительности, понимал бы границы дозволенного. Но он и гриффиндорцы — вещи несовместимые.

Да ещё и Дамблдор, чей разум, похоже, окончательно размяк от лимонных долек и сладкого чая! Он прекрасно знает, что Квиррелл что-то замышляет, но продолжает потакать ему. Неужели этот старик не боится, что мальчик Лили окажется в смертельной опасности? Хуже того, Снейпу самому приходится подыгрывать старому безумцу. Смотреть, как Дамблдор отправляет Поттеру мантию-невидимку — идеальную игрушку для ночных вылазок. Знать, что этот паршивец бродит по Запретной секции, и иметь право лишь припугнуть его в темноте, не выдавая себя. И, что совсем не лезет ни в какие ворота, закрывать глаза на то, что Хагрид таскает в кармане драконье яйцо!

Будь оно всё проклято.

— Тсс... — Снейп сквозь зубы втянул воздух. Он поморщился от жгучей боли в ноге — проклятие зашевелилось под кожей.

Он взмахнул палочкой. Тьму подземелий разогнал мягкий свет волшебных ламп, обнажив привычную глазу обстановку: бесконечные стеллажи, заставленные фолиантами по зельеварению, массивный старинный стол, потёртое кресло и колченогий диван. Но внимание Снейпа привлёк журнальный столик. Среди пыльного дерева сиротливо зеленел чужой флакон.

Снейп нахмурился, беря в руки склянку. Кто здесь был? Пароль от его подземелий, помимо него, знала лишь одна живая душа — то единственное «дитя природы», что умудрилось затесаться в змеиное кубло.

Флакон был без этикетки. Снейп слегка покачал его в руке — внутри плескалось нечто густое, гелеобразное.

Он осторожно откупорил пробку. Выгравированный на крышке узор в виде цветков лобелии заставил его замереть. В ту же секунду по комнате растёкся тонкий травяной аромат — целебный настой на основе коко-травы. Снейп отчётливо помнил, как когда-то рассказывал Лили, что снадобье из коко-травы — лучшее средство против подобных проклятий. Чтобы сохранить целебные свойства растения, зелье требовалось держать исключительно во

флаконах из бирюзового стекла. Такие бутылки почти не использовались в обиходе, и их приходилось заказывать у мастеров. И тогда, много лет назад...

"Неужели Лили?.."

Но мысль умерла, едва родившись. Нет, не она. Лили давно нет в живых. Она ушла навсегда, погибнув из-за его собственной роковой ошибки... Это не могла быть она. Но если не Лили, то кто?

Снейп буравил взглядом зелёное стекло, силясь восстановить картину прошлого. Память неохотно шевелила старые пласты, выуживая смутные, подёрнутые дымкой образы. Лица сменяли друг друга чередой призраков.

"Сивилла?"

Стоило этому лицу — одновременно чужому и до боли знакомому — вспыхнуть в сознании, как зельевар оцепенел. Он почти... почти позабыл свою прежнюю сокурсницу. Сивилла Трэлони, когда-то блиставшая умом на Рейвенкло, после трагедии превратилась в жалкую пьянчужку и шарлатанку. Вот уже много лет, живя под одной крышей в Хогвартсе, они не проронили друг другу ни слова. Да и её куцая магическая сила никогда бы не позволила безупречно выдержать температурный баланс и правильно помешивать варево, чтобы стабилизировать столь сложный состав. И главное — зачем ей присылать это лекарство?

Снейп раздражённо повёл плечами. Помучившись сомнениями ещё несколько минут, он решил во всём разобраться лично. Оставалось лишь надеяться, что прорицательница сейчас не спит мертвецким пьяным сном.

Северная башня

Сивилла Трэлони хмуро разглядывала незваного гостя. Этот человек был младше её на два курса, и она никогда его не любила. Даже в те времена, когда Пан ещё носил имя Пан Трэлони, Снейп вызывал у неё лишь неприязнь. Но ради Пана она переступила через себя, впустив его и Лили в свою жизнь. Та дружба принесла ей лишь боль. Потом Пан исчез, Лили пала от рук Тёмного Лорда, и их пути со Снейпом окончательно разошлись. Так зачем он пришёл сегодня? Неужели... неужели он начал что-то вспоминать?

— Рад видеть, что вы не нализались до состояния бесформенного слизняка, — процедил Снейп, смерив прорицательницу холодным взглядом.

Она изменилась. Точнее, сейчас перед ним стояла совсем не та Трэлони, которую привыкли видеть в школе после памятных событий. В её фигуре и взгляде вновь сквозили прежняя

ясность ума и ледяная собранность.

— Полагаю, ты пришёл не за тем, чтобы обсуждать прелести хмеля. Хотя... пусть я и прикладываюсь к бутылке каждый день, ты тоже далеко не святой. Так что в этом вопросе мы стоим друг друга, — Сивилла скрестила руки на груди, криво усмехнувшись. — Говори, великий мастер зельеварения, какими судьбами в моей скромной обители?

Снейп молча разглядывал собеседницу, словно пытаясь прочесть её мысли. Затем резким движением выхватил из широкого рукава мантии бирюзовый флакон и поставил перед её носом.

— Зелье? — Сивилла недоверчиво оглядела сосуд. — Насколько мне известно, это твоя епархия, а не моя.

— Хочешь сказать, ты принесла его не для того, чтобы отправить меня на тот свет? — Снейп впился в неё глазами.

Он не стал применять к старой знакомой легилименцию. По правде говоря, даже Дамблдор едва ли смог бы выудить хоть крупницу истины из затуманенного разума Трэлони, хотя Снейп никогда и не пытался взломать её ментальные щиты.

— Я? С чего ты взял? — Сивилла искренне изумилась. — Ты же всегда утверждал, что у меня мозги размером с горчичное зерно и даже тролль соображает лучше, а сварить сносное зелье мне не под силу. Зачем мне травить тебя спустя целых десять лет? Если бы я хотела твоей смерти, я бы подсыпала тебе яд ещё тогда, а после выпила бы его сама!

— Коко-трава, сильное проклятие, бирюзовое стекло и гравировка с цветами лобелии и буквами «S. T. E.» у горлышка. Я думал, мы заказывали эти флаконы вместе.

Сивилла, уже протянувшая руку к склянке, при этих словах заметно вздрогнула.

— Значит, это не ты, но ты прекрасно знаешь, чьих это рук дело. Говори, чёрт тебя дер! Кто это сделал?

Реакция прорицательницы не укрылась от шпиона. Он умел подмечать малейшие детали — и сейчас перед ним стоял не изошрённый Дамблдор, не Тёмный Лорд и даже не опытный боец Ордена или Пожиратель смерти, а всего лишь сломленная женщина со слабой искрой увядающей магии.

Сивилла тяжело вздохнула, и плечи её расслабились:

— Я и не собиралась ничего скрывать.

— Так чья это работа?

— Того, кого ты умудрился позабыть, — отрезала Сивилла.

Не обращая внимания на потемневшее от гнева лицо зельевара, она небрежным жестом отодвинула флакон обратно к нему и безучастно уставилась в стену.

— Что это значит? — Снейп нахмурился ещё сильнее. — Кого я забыл? О ком ты говоришь?

— Сегодня девятое января, — негромко напомнила Сивилла.

Снейп онемел. Он недоверчиво уставился на женщину.

— Хочешь сказать... это подарок к моему дню рождения?

Мысль показалась ему до абсурда нелепой. Кто, кроме покойной матери и Лили, мог помнить об этой дате? Обе давно покинули этот мир, и за последние десять лет он не получил ни единого поздравления.

— Ты намекаешь, что это весточка от Лили?

— Северус, я думала, тупица здесь только я! — в голосе Сивиллы зазвенели нотки глубокой скорби. — Очнись! Лили мертва. И убили её мы с тобой. Вместе.

—...

— Хотя... неудивительно, что ты его позабыл, — видя его ступор, женщина тихо вздохнула. — Будь он тогда с нами, Лили осталась бы жива. Мне бы не пришлось корчить из себя безумную дуру, а тебе...

— Ты утвердишь, что я кого-то забыл. Кто «он»? — Снейп уловил её едва слышный шёпот. В груди против воли заныло, фантомная боль отозвалась где-то под сердцем. — Говори же!

— Знаешь, почему я не покончила с собой и не отравила тебя? После того рокового пророчества... после того как Лили погибла от рук Тёмного Лорда? Тебе умирать нельзя — на твоих плечах долг оберегать её сына, Гарри Поттера. Лили ведь просила тебя стать его крёстным, хоть ты и отказался... Но дело даже не в этом. Ты прекрасно знаешь, как сильно я презираю семейку Поттеров, и даже память о Лили этого не изменит. Я бы никогда не стала влачить это жалкое существование ради её мальчишки. Я не настолько благородна и никогда не искала искупления, — Сивилла горько усмехнулась. — Я жива только ради него одного. Топлю тоску в дешёвом хересе, но не смею наложить на себя руки, потому что осталась единственной, кто вообще помнит о его существовании. И я верю, что однажды он вернётся. И

я ему понадобится.

— Да кто он такой?!

— Прости, Северус. Я связана клятвой и не могу назвать его имя, — Сивилла покачала головой и бережно открутила крышку флакона. — Он мечтает быть рядом. Ему отчаянно хочется, чтобы ты его заметил... пусть даже ты стёр из памяти всё, что вас связывало. Но в то же время он панически боится причинить тебе новые страдания. Ведь когда-то именно из-за него твоя жизнь превратилась в сущий ад.

Не дав Снейпу вставить ни слова, она ткнула пальцем в тонкую резьбу на крышке:

— Посмотри на эти три буквы. Вы спроектировали этот вензель втроём, ещё в школьные годы. «S» означает тебя, Северуса Снейпа. «E» — Лили Эванс.

— Разве «T» — это не Трэлони? Не ты, Сивилла?

— Нет. К тому моменту я уже окончила Хогвартс, моей буквы там быть не могло. Это его инициал. А кто он... извини, больше я ничего не скажу, — она поднялась и приоткрыла дверь, давая понять, что разговор окончен. — Мне нужно отдохнуть. Тебе пора идти.

Снейп бросил последний взгляд на серебристый металл крышки, затем на смертельно бледное лицо Сивиллы. Круто развернувшись, он вышел прочь. Дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком, скрыв от него то, как прорицательницу согнул судорожный кашель, окрасивший её губы алой кровью.

— Кха... Откат за нарушение клятвы... — Сивилла бессильно осела на пол, прижимая дрожащую руку к разрывающемуся от боли животу. Кровь струилась сквозь её пальцы, но на губах играла вымученная, горькая улыбка.

— Разве оно того стоило? — со старинного холста на стене послышался суровый голос. Предок Трэлони сокрушённо качала головой, глядя на свою израненную праправнучку.

— Это самое малое, что я могу для него сделать, — прошептала Сивилла, давась кашлем. — Он любит его. Всегда любил, хоть никогда и не признавался в этом даже самому себе... Кха-кха! И тот тоже его любил... пока не забыл.

Слёзы смешались с кровью на её щеках, когда она едва слышно добавила:

— На самом деле... мы все его любили.

<http://bllate.org/book/18188/1759245>